

ВРАГ У ВОРОТ

ФАНТАСТИКА

БЛИЖНЕГО

БОЯ

**ВИКТОР
СЕВЕРОВ**

**ШТОРМОВЫЕ
СТРАЖИ**

МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С28

Художник *Андрей Мозгалевский*

Северов, Виктор.

С28 Штормовые стражи / Виктор Северов. — Москва : Яуза : Эксмо, 2015. — 480 с. — (Враг у ворот. Фантастика ближнего боя).

ISBN 978-5-699-84215-5

2021 год. Гражданская война расколола США надвое, лишив Вашингтон нефти Мексиканского залива и заставив продолжить войну в Ираке. На смену кадровым частям Америка бросает наемные отряды и национальную гвардию. Волею судьбы завербованный в ряды наемников Александр Симонов оказывается втянут в охоту за золотым запасом Кувейта и противостояние с целым полком американских дезертиров — «Штормовыми стражами» и их командиром — полковником Коннорсом.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-84215-5

© Северов В.А., 2015
© ООО «Издательство «Яуза», 2015
© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

*Особые благодарности:
Сергею Олеговичу Зиганишину
Василию Антонову aka Вервольф
Боброву Михаилу Григорьевичу aka КоТ Гомель
за неоценимую помощь в работе*

Пролог

Сент-Клементе, Калифорния, США, 2016 г.

Зарево над ночным Сент-Клементе окрашивало небо в багровые тона, воздух рвал вой полицейских сирен. Без остановки грохотали выстрелы, время от времени гремели редкие взрывы — национальная гвардия заканчивала зачистку центра.

Я осторожно наблюдал за обстановкой, присев сбоку от выбитого взрывной волной окна и положив автомат цевьём на подоконник.

В паре метров от меня двенадцатилетняя девочка, что-то напевая себе под нос, старательно соединяла проводками бруски пластиковой взрывчатки, распиханные по карманам разгрузки находящегося без сознания нацгвардейца.

Недлинные русые волосы, заплетённые в два смешных хвостика; пусть уже изрядно замаранная, но аккуратная форма местной школы. Казалось бы — обычная маленькая девчушка...

Чьё детство, как и нормальная жизнь всех местных жителей, закончилось позавчера.

Кто в этом виноват? Уж точно не я. Пусть я и бросил первую искру, но пламя раздул кто-то другой.

— Кха... кха... Я... — оглушённый электрошокером нацгвардеец пришёл в себя. — Где я? Что... Что происходит?

— Привет, мистер! — добродушно улыбнулась девочка. — Вы находитесь в доме четыре по Роуз-авеню. А происходит здесь подготовка к нападению на войска карателей. В данный момент я соединяю бруски взрывчатки С4, как меня научил Алекс...

— Что за... Да кто вы... Да кто вы вообще такие?!

— Меня зовут Эвелин, мистер, — вежливо представилась девочка, не прекращая своего занятия. — А вон там у окна с винтовкой сидит Алекс.

— А ну немедленно отпустила меня, сопля, иначе я тебя...

Улыбка Эвелин стала чуть виноватой. Она достала электрошокер и коротко ткнула им в шею нацгвардейца, от чего тот захрипел и задёргался.

— Ты труп, дрянь... — немного отдышавшись, сильным голосом произнёс пленник. — Я убью и тебя, и всех...

— Так уже, мистер, — охотно поведала девочка. — Позавчера ваши друзья-каратели убили на площади папу. Вчера ваш патруль расстрелял маму.

...А сегодня я убил двух уродов, которые тащили её к себе в фургон.

Даже в темноте было видно, что нацгвардеец побелел как полотно и его начала бить крупная дрожь.

— П-послушай, девочка... — тон его голоса резко изменился. — Т-ты, отпусти меня, о'кей? Славная хорошая девочка... А я...

Эвелин снова с улыбкой ткнула пленника шокером в шею.

— Вы что — ещё не поняли, мистер? Я теперь никого из вас не отпущу. Алекс научил, что с вами можно делать — с погаными янки, как вас называл мистер Уокер. Мистер Уокер говорил, что вы когда-то всех нас предали и продали. Я раньше не понимала о чём он, а вот теперь поняла. Моя мама говорила, что это глупости, но это неправда, я теперь знаю. — Девочка наклонилась к уху нацгвардейца и перешла на шёпот, не прекращая улыбаться: — А ещё моя мама говорила, что если тебе плохо или больно, то нужно улыбнуться и станет легче.

И вот это — правда. И знаете что, мистер? Я ведь теперь всегда буду улыбаться.

Вдалеке послышался шум моторов.

— Иви, заканчивай, — произнёс я.

Девочка соединила последние проводки, встала и отряхнулась.

— Готово, Алекс.

Я отошёл от окна и быстро проверил, как эта девчушка справилась с задачей. А справилась она на удивление замечательно — никогда бы не подумал, что двенадцатилетняя школьница может так хорошо разбираться в электротехнике...

— И где ты только такому научилась, Иви? — произнёс я, вздёргивая нацгвардейца на ноги и подтаскивая к окну.

— А я свой первый гаджет ещё в первом классе собрала, — охотно сообщила девочка. — И потом в разных конкурсах участвовала и призы брала. Куклы никогда не любила, а вот конструктор собрать или там ещё что-нибудь — завсегда. Я раньше всякие модельки и забавные игрушки собирала, но теперь-то знаю, что лучше бомбы делать. Бомбами можно убивать янки, а это так круто.

Три дня назад мне стало всё равно. И с тех пор это чувство не проходило — мне было плевать абсолютно на всё. Но даже сейчас я бы не хотел знать, что сдвинулось в голове этой маленькой девчушки — это меня по-настоящему пугало... Первые полчаса после того, как я её подобрал, она была, можно сказать, «нормальной» — находилась в ступоре, смотрела пустым взглядом в никуда, молчала и не выказывала ни единой эмоции. Зато потом... Потом она была прежней — такой, какой была ещё неделю назад. Нет, она не сошла с ума, но...

И вот сидит себе эта Эвелин, улыбается, что-то тихонько напевает, что-нибудь рассказывает, но ты знаешь — у неё убили всю семью, сожгли дом и отобрали прежнюю мирную жизнь.

И она ведь это прекрасно понимает и осознаёт.

Что же она сейчас видит перед собой — что за сон, мир или фантазию? Может быть, там всё происходит не-взаправду, или она никого не потеряла? Или, может быть, там у неё есть миссия получше, чем одна сплошная слепая месть? Что за мир она создала в своей голове, заснув наяву в окружающем кошмаре, и какими тенями подсознания населила его?..

Я подтащил нацгвардейца к разбитому окну и развернул к себе лицом.

— Что... Что ты задумал? Н-не надо, парень... — нервно сглотнул человек, который ещё несколько часов, весело хохоча, вместе со своими товарищами стрелял по мирным жителям, которых просто взяли и объявили вне закона.

Не знаете, насколько весело ехать в «Хамви» по улице и палить по домам из крупнокалиберного пулёта? Вот и я не знаю. А этот мистер знает. Я знаю — ему это понравилось.

Но и мне тоже сейчас кое-что понравится.

— Да так! — Я выпустил его из захвата и сделал шаг назад. — Кто нам мешал, тот нам и поможет.

Я со всей силы пнул нацгвардейца в живот, и он с воплем вылетел из окна второго этажа, рухнув на спину прямо на дороге.

Я надел на голову армейскую каску, поправил на себе трофейную нацгвардейскую форму и взял ракетницу. Прицелился в кучу мусора недалеко от лежащего на дороге нацгвардейца и выстрелил в неё из сигнального пистолета, подавая сигнал — рацией пользоваться было нельзя. Эфир всюду глушили, а те частоты, что не глушили — плотно прослушивались федералами.

...Колонна из двух бронемашин нацгвардии остановилась в полусотне метров от меня. Я в трофейной форме сидел около кучи горящего тряпья и с выкинутым мной пять минут назад из окна гвардейцем.

Конечно, учитывая, как федеральные войска сейчас действуют, риск получить очередь из пулемёта без всяких разговоров была крайне велика. Но как я заметил,

если в людей в гражданской одежде нацгвардейцы стреляли часто и охотно, то вот людей в военной или полувойенной форме сначала хотя бы наскоро допрашивали, чтобы не зацепить своих. Как я выяснил из допросов пленных — в Сент-Клементе введена одна-единственная 37-я бригада национальной гвардии из Мичигана.

Ослепляющий столб света от установленного на броневике прожектора мазнул по мне, заставляя отвернуться.

— Руки вверх! — прогрохотало из мегафона. — Бросить оружие! Назовите себя!

— Не стреляйте! — выкрикнул я, медленно поднимая автомат над головой. — Я — рядовой Грей из второй роты третьего батальона! Со мной капрал Фернандес — он ранен, ему нужна помощь!

— Оставайтесь на месте!

Броневики медленно двинулись вперёд, остановившись во второй раз уже всего в паре метров от меня. Задняя дверца головной машины распахнулась и оттуда высыпалось с десятков нацгвардейцев.

— Третий батальон должен был закончить здесь зачистку ещё час назад! — произнёс, по-видимому, командир карателей, подходя ко мне. — Какого хрена вы тут застряли, рядовой?

— Виноват, сэр! Нарвались на засаду! Я вытащил своего капрала, но не знаю, выжил ли ещё кто-нибудь из отделения...

— Ладно, проехали. Грузите раненого, парни. Дженкинс, Грин, с отделениями — ко мне! Рядовой, покажете им, где нарвались на засаду — поищем ещё наших.

— Да тут недалеко, сэр... — Я повёл рукой вправо и, краем глаза увидев, что вокруг бессознательного нацгвардейца столпилось достаточное количество народа, сунул левую руку в карман.

Прыгнул вперёд — прямо перед капотом броневика, а сам нажал кнопку на пульте дистанционного управления.

Взрывная волна разметала нацгвардейцев, как шар для боулинга кегли, разве что шар не рвёт их в клочья.

А вот рассованные вместе с брусками взрывчатки по карманам разгрузки гвозди человеческие тела рвут за просто.

Осколки с визгом отрикошетили от брони машины, уши заложило наглухо, но я быстро вскочил на ноги и высунулся из-за капота, сняв короткой очередью двоих противников.

В тот же момент из заднего броневика высыпались ещё нацгвардейцы, но тут позади него из переулка выкатился жёлтый школьный автобус, из выбитых окон которого раздались десятки выстрелов из самого разного оружия — от полицейских револьверов и охотничьих дробовиков до винтовок и автоматов.

В считанные минуты всё было кончено и главное — два броневика были захвачены неповреждёнными. С предыдущим патрулём получилось неважно — первая машина въехала в дом и оказалась погребена под его обломками, а второй в десантный отсек забросили бутылку с зажигательной смесью и спалили к чёртовой матери.

— Живее, живее! — выпрыгнувший из автобуса Линкольн подгонял людей.

Несколько десятков — женщины, мужчины, дети. Те, кто решил не отсиживаться в стороне, когда их родной город начали уничтожать, а попытались дать отпор и выжить.

Возможно, зря я проклял всех американцев скопом... Среди них ведь тоже оказались нормальные люди. Немного, но они всё-таки были.

Жители Сент-Клементе рассаживались по броневику нацгвардии, набиваясь в десантные отсеки десятками. Иначе из города было не прорваться — я лично видел, как дежурные пары вертолётчиков расстреливали с воздуха любую машину, которая пыталась покинуть город. Так что оставалось только захватить бронемашину нацгвардии и так попытаться рвануть в ту же Аризону и дальше.

— Может, всё-таки поедешь с нами, Алекс? — спросил у меня Линкольн, когда все погрузились в броневики. — Нам бы пригодился такой парень...

— Пригодился в чём? — слегка усмехнулся я.

— Мы отомстим за наш город, за всех погибших в эти дни. Янки думают, что смогут выжечь Сент-Клементе, а мы зажжём весь юг. Поднимем Техас, мормонов, латиносов... Всех, кто готов драться с янки. Это будет война, как во времена Конфедерации.

— Конфедерация проиграла полтора века назад. А нынешние американцы больше не готовы убивать друг друга ради идеи...

— Три дня назад я тоже не был готов убивать, — признался Линкольн. — Но есть такая идея, ради которой любой человек будет готов драться и умирать — это когда кто-то приходит к нему домой и начинает убивать его близких. Так что... Юг подымется вновь. Они просто не оставили нам другого выбора. Поэтому если передумаешь — возвращайся к нам.

Он протянул мне руку. Совершенно обычный и непримечательный человек средних лет.

Кем он был вчера? Владельцем небольшой заправки.

Кто он сегодня? Никто.

Кем он станет завтра? Теперь это зависит только от него.

— Удачи тебе. — Я пожал руку Линкольна и искренне пожелал: — Сожги эту проклятую страну. И построй вместо неё что-нибудь хорошее, если получится.

— Договорились.

— Я хочу поехать с тобой, Алекс, — раздался позади меня голос Эвелин.

Я обернулся и опустился на одно колено перед девочкой, за спиной которой висел школьный ранец, набитый взрывчаткой, проводами и детонаторами, а на плече на самодельном ремне висел совершенно громадный для неё штурмовой пистолет «линда».

— Со мной нельзя.

— Почему?

Потому что у неё есть теперь смысла жить больше, чем у кого бы то ни было. Месть — не выход, но то, что не даст задуматься о смысле своей жизни. Точнее, отсутствия малейшего смысла.

У неё есть смысл жить. У неё есть сила — спец по взрывчатке никогда и нигде не будет лишним. Есть дело. Есть враг.

А что есть у меня? Ничего. Мне даже терять уже нечего. Разве что кроме своей жизни, но разве жаль терять такую пустую жизнь? Ни капельки.

Мне, по большому счёту, плевать — буду я жить или нет. Я ведь и так не живу по сути — живу, мыслю, надеюсь, но всего лишь существую. Смысла во всём этом нет — мой смысл жить умер.

Тогда почему я ещё не пустил себе пулю в лоб? Может — от малодушия, может — от того, что считаю самоубийство малодушием.

Если моей жизни суждено кончиться — пускай её прервёт кто-нибудь другой. Так будет честнее. И ненамного сложнее. Пусть я не собираюсь играть в русскую рулетку и ходить по гетто с плакатом «Ненавижу чёрных!», но зато в моём кармане лежит фальшивый паспорт и рекомендательное письмо от Мартина. И это — мой билет в наёмники. Лет десять назад меня бы туда не взяли без службы в какой-нибудь «Дельте» или рейнджерах, а сейчас туда гребут любой сброд, что можно отправить воевать в Ирак против террористов...

Это теперь моя дорога — куда угодно, лишь бы подальше из проклятых Штатов. Хватит с меня этой страны — пусть она умрёт, но без меня.

И куда угодно, но только не домой — не с чем и не к кому мне туда возвращаться. Так что... Пусть будет Ирак. Мне не по пути с остальными — мне нужно не на восток, а на север, в Сан-Диего. Поэтому я поеду... на юг. Туда — в сторону истекающей радиацией АЭС Сан-Онофре, сделаю крюк и продолжу путь. Этот путь даже безопаснее восточного, потому что нацгвардейцы ни за что не су-

нутя в ту сторону из чувства самосохранения, ну а мне-то себя хранить не нужно...

— Почему мне нельзя с тобой, Алекс? — спросила Эвелин.

— У тебя своя дорога, у меня — своя, — ответил я, взъерошивая её волосы на макушке.

На секунду её лицо словно бы расплылось, напомнив мне...

— Прощай, Эвелин, — сказал я, прогоняя минутное наваждение, больно кольнувшее в сердце.

— Прощай, Алекс, — ответила девочка. — Но мы ведь ещё увидимся с тобой?

— Непременно, — соврал я.

Двумя днями ранее

— Жители Сент-Клементе! Слухи об аварии на атомной электростанции Сан-Онофре совершенно безосновательны. Угрозы вашим жизням нет, сохраняйте спокойствие. Убедительная просьба не выходить из домов, не устраивать несанкционированных собраний и сохранять общественный порядок. В город введены силы Национальной Гвардии для поддержания мира и порядка. Ни в коем случае не проявляйте в их отношении агрессивных действий, в противном случае будут применены специальные средства. Жители Сент-Клементе!..

Зацикленная запись разносилась из разъезжающих по городу машин с громкоговорителями на крышах и была по большей части лжива.

Нет, силы Национальной Гвардии США и правда были введены в город... Вот только слухи об аварии на АЭС Сан-Онофре вовсе не были безосновательны и угроза жителям города действительно существовала — до разрушения оболочки реактора, скорее всего, остаются считанные дни. И потому нацгвардия введена в Сент-Клементе вовсе не ради поддержания мира и порядка, а чтобы не допустить распространения информа-

ции дальше. Интернет и телефонная связь заглушены, все дороги перекрыты — из города не выбраться.

А мне надо выбираться отсюда. Как? Ничего сложного или нового.

Где лучше всего спрятать древесный лист? В лесу.

Что делать, если леса нет? Посадить его.

Что нужно, чтобы не заметили одного беглеца? Сделать беглецами сотни и тысячи людей.

Я докурил сигарету и перехватил поудобнее карабин, прикивая к оптическому прицелу. Лежать на бетонной крыше недостроенного супермаркета жёстко, но терпимо.

На площади, где пролегал рубеж блокады нацгвардейцев, несколько тысяч местных жителей шумели и митинговали перед броневиками и примерно сотней вооружённых федералов. Нацгвардейцы совершенно недвусмысленно держали толпу под прицелом автоматов, а их командир, стоя на бронемашине, что-то рывкал в мегафон.

Но что сделает даже сотня автоматов против бушующей толпы? Особенно с учётом того, что многие жители Сент-Клемента на площади законопослушно чтити Вторую поправку к Конституции США¹ прямо здесь и сейчас.

Конечно, до перестрелки никогда не дойдёт — проверено многократно американской историей. Самая вооружённая в мире нация так никогда и не решилась толком пустить в ход сотни миллионов зарегистрированных единиц оружия, чтобы... Да хотя бы отстоять свои права или свободу. Или кто-то до сих воображает, что США — это самая благополучная и демократичная страна в мире? О, тогда для таких наивных личностей у меня есть плохие новости — Деда Мороза не существует. И Санта-Клауса. И зубной феи. И свободы в Соединённых Штатах Америки.

¹ Вторая поправка к Конституции США гарантирует право граждан на хранение и ношение оружия.

Да, местные не станут затевать бои с федеральными войсками, хотя и царящее в воздухе напряжение уже очень велико. Такого не может быть, потому что не может быть никогда — это совершенно нереально. Просто какой-то дурной сон, безумный кошмар. Но вот что, если...

Но что, если всё-таки случится то, чего раньше не случалось?

Что, если самый страшный кошмар вдруг обретёт плоть и станет неотличим от реальности?

Вот вам когда-нибудь приходилось видеть сон, кажущийся реальностью? Не про пони, дружбу и полёты на радуге, а кошмар, после которого просыпаешься с радостью, что всё это было не в реальности?

В этом кошмаре вы могли бы падать из окна небоскрёба. В вас могли стрелять, взрывать или резать кривыми ржавыми ножами... Вы могли гореть или задыхаться, вас могли убивать раз за разом...

Или не вас самих. Некоторые ведь не слишком боятся собственной смерти, верно? Но зато вы могли терять в этих кошмарах своих друзей, родных, близких... Терять до тех пор, пока не остались бы наедине с самым страшным существом во вселенной — самим собой. Наедине со своими поступками, своими решениями, своими страхами и своими грехами... В одиночестве.

Вам когда-нибудь приходилось видеть такие сны?

Страшные, жуткие.

И вдвойне жуткие от того, что вы не понимали — сон это или нет. Вы могли проснуться... А затем снова проснуться, поняв, что до этого видели кошмар внутри кошмара. А затем повторить это снова и снова, и снова, и снова... Цепочка кошмаров, конец которой затерялся где-то на самом дне кроличьей норы страхов.

Разорвать эту цепь? Не выйдет — её звенья острее бритвы и прочнее титана. Дойти до самого конца? Тогда придётся шагнуть в чёрное ничто и узнать, насколько глубока кроличья нора на самом деле.